

УДК 316.3(051)

С.Т. Кавецкий

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
 Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
 e-mail: kstbrest@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА АНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Анализируется социально-стратификационная структура белорусского общества. Страты современного социума выявляются на основе конкретных социологических исследований социальных групп по критериям самоидентификации, а также дохода. Проведена социологическая диагностика аномических процессов среди различных слоев населения. Сделан вывод о том, что переходное состояние белорусского общества на рубеже XX и XXI вв. значительно ускорило изменения в его социальной структуре: на общественную сцену вышли новые социальные группы, массовые слои изменяют свои качественно-количественные параметры, турбулентным становится «социальное дно», чему способствует неравномерность экономического развития.

Социально-экономические изменения в Беларуси в конце XX – начале XXI в. повлияли на характеристику социальной структуры. Социальная структура – это совокупность относительно устойчивых связей между элементами социальной системы, отражающих ее существенные характеристики во всех сферах общественной жизни (экономической, социально-политической, духовной) не только на макро-, но и на микроуровне. Социальная структура современного белорусского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и в плане осознания личностью своего места в системе общественной иерархии. Идет активное «размывание» групп населения и становление новых видов межгрупповой интеграции по форме собственности, доходу, вхождению в структуры власти, социальной самоидентификации. В условиях трансформирующегося социума наблюдается процесс изменения сложившейся в нем структуры.

При переходе от одной социально-экономической системы к другой в постсоветских обществах происходит деконструкция критериев стратификации. Решающую роль в них приобретают:

- а) владение капиталом, приносящим прибыль;
- б) причастность к перераспределению общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности;
- в) уровень личного дохода и потребления.

Для выявления реальной ситуации в социально-стратификационной структуре общества под руководством автора в Брестском регионе в 2005, 2016 и 2018 гг. был проведен ряд конкретно-социологических исследований (выборка составила 300 респондентов), которые позволили выявить такую динамику социальных групп (таблица).

Таблица. – Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя считаете?», %

Социальная самоидентификация	Год		
	2005	2016	2018
1. Богатым	1,4	1,4	1,5
2. Состоятельным	5,0	4,0	3,4
3. Среднеобеспеченным	25,9	28,4	33,9
4. Малообеспеченным	37,1	35,1	46,0
5. Бедным	24,2	28,4	10,2
6. Живу ниже черты бедности	6,4	2,7	5,1

Критерии состоятельности респондентов в 2005 г. были следующими:

а) «богатые» – более 3 тыс. долл. в месяц на человека «чистыми» без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей;

б) «состоятельные» – от 250 до 3 тыс. долл. в месяц;

в) «среднеобеспеченные» – от 150 до 250 долл. в месяц;

г) «малообеспеченные и бедные» – 70–150 долл. в месяц;

д) «ниже черты бедности» – 60 долл. в месяц и менее.

В 2016 и 2018 гг. критерий «состоятельности» для респондентов был такой:

а) «богатые» – более 3 тыс. долл. в месяц на человека;

б) «состоятельные» – от 400 до 3 тыс. долл. в месяц;

в) «среднеобеспеченные» – 300–400 долл. в месяц;

г) «малообеспеченные» и «бедные» – 100–300 долл. на человека;

д) «ниже черты бедности» – 60 долл. в месяц и менее.

В условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой весьма актуальной стала проблема бедности. Бедность выражает экономическое и социальное состояние людей, имеющих минимум денег, низкий уровень образования, отсутствие власти и престижа. «До развала СССР бедность в Беларуси, являвшейся одной из наиболее развитых советских республик, не превышала 1 % по отношению к общей численности населения, а в 1999 г. она превысила, по официальным данным, 36 %, а в реальности, по-видимому, достигла значительно больших размеров». Бедность – это положение людей, не располагающих физиологическим минимумом средств к жизни. Наиболее глубокая и острая бедность – это такое состояние, когда люди находятся на грани постоянного недоедания, если не голода.

Согласно данным конкретно-социологических исследований, проведенных в 2005 и в 2016 гг., такой уровень бедности отметили соответственно 6,4 и 2,7 % респондентов; в исследовании 2018 г. 7,6 % опрошенных отнесли себя к бедным. Эту категорию составляют:

а) по возрасту: 20–30 лет – 33,3 %, 41–50 лет – 50 %, 51–60 лет – 16,7 %;

б) по образованию: 2 % имеют неполное среднее образование, 8 % – среднее, 1,3 % – среднее специальное, 1 % – высшее образование;

в) по социальному положению к бедным относятся безработные, а также опустившиеся на социальное дно респонденты из различных социальных групп.

К группе населения с доходом ниже среднего относят себя 39,4 % респондентов. С одной стороны, это те слои населения, которым хватает средств на удовлетворение простейших физиологических нужд, и верхняя граница дохода в ней – это официальный минимальный прожиточный уровень. В 2005 и 2016 гг. в регионе к этой группе относили себя соответственно 24,2 и 28,4 % респондентов [2]. С другой стороны, это те, кто удовлетворяет свои как физиологические, так и социальные потребности, но на низком уровне. Люди относительно сытно едят, обновляют одежду, лечатся, отдыхают. Прожиточный минимум обеспечен, но достатка нет. В 2005 и 2016 гг. в регионе на этом уровне находились соответственно 37,1 и 35,1 % респондентов. Число респондентов этого слоя в исследовании 2018 г. в рамках изучения региональной структуры составило 39,4 %. В общей структуре опрошенных женщины составляют 31,2 %, мужчины – 33,8 %; по возрасту: от 20 до 30 лет – 8,9 %, от 31 до 41 года – 24,4 %, от 41 до 50 лет – 46,7 %, от 51 до 60 лет – 11,1 %, более 60 лет – 8,9 %; по образованию: 24 % имеют среднее образование, 36,8 % – профессионально-техническое, 25 % – среднее специальное, 12 % – высшее образование.

По социальному положению группу населения с доходом ниже среднего составляют малоквалифицированные рабочие, большинство сельских жителей, а также служащие без высшего образования и др.

К группе населения с доходом выше среднего относятся, во-первых, состоятельные люди, которые могут позволить себе многие дорогостоящие покупки, а во-вторых, люди обеспеченные, живущие в достатке, однако ощущающие ограничения при приобретении дорогостоящих вещей (автомобиля, сложной бытовой техники), а также при посещении ресторанов, осуществлении зарубежных путешествий и т.п. В 2005 и 2016 гг. в регионе на этом уровне находились соответственно 5 и 4 % респондентов. Доля респондентов этого слоя в исследовании 2018 г. в рамках изучения региональной структуры составила 7,6 %. В общей структуре опрошенных женщины составляют 4,1 %, мужчины – 13,5 %; по возрасту: от 20 до 30 лет – 38,9 %, от 31 до 41 года – 27,8 %, от 41 до 50 лет – 27,8 %, от 51 до 60 лет – 5,6 %; по образованию: 12 % имеют среднее образование, 2,6 % – среднее специальное, 37,3 % – высшее образование.

По социальному положению к группе населения с доходом выше среднего относятся средние и мелкие предприниматели, директорский корпус, популярные художники, артисты, телекомментаторы, владельцы частных медицинских и фармацевтических учреждений и др.

К высокообеспеченной группе населения (вершине стратификационной пирамиды) относится высший слой – новая элита, в состав которой входят богатые предприниматели (владельцы банков, крупных фирм и др.), должностные лица от министра и выше. Это фактически новая буржуазия и высшая государственная бюрократия. В 2005 и 2016 гг. на этом уровне в регионе находились по 1,4 % респондентов. Доля респондентов этого слоя в исследовании 2018 г. в рамках изучения региональной структуры составила 1,5 %.

Проведенные в 2005 и 2016 гг. в регионе конкретно-социологические исследования показали, что в зависимости от самоидентификации, социального статуса, семейного положения, а главное, от доходов респонденты относят себя к группе среднеобеспеченных:

1) 2005 г. – 25,9 % (критерий дохода был 150–205 долл. в месяц «чистыми» без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей);

2) 2016 г. – 28,4 % (критерий дохода – 300–400 долл.).

В 2018 г. в регионе к среднеобеспеченным слоям относят себя 36,0 % респондентов. Более половины (55,7 %) респондентов имеют доход от 351 до 500 руб. в месяц. В общей структуре опрошенных женщины составляют 70,8 %, мужчины – 63,3 %; по возрасту: от 20 до 30 лет – 26,9 %, от 31 до 41 года – 27,6 %, от 41 до 50 лет – 31,4 %, от 51 до 60 лет – 9 %, более 60 лет – 3,2 %; по образованию: имеют среднее образование 56 %, профессионально-техническое – 52,6 %, среднее специальное – 64,5 %, высшее образование – 73 %.

По социальному положению к группе населения со среднеобеспеченным доходом относятся руководители отделов (служб) крупных, эффективно работающих предприятий, профессора, врачи и юристы, имеющие частную практику, старшие офицеры и др.

Таким образом, сравнительный анализ социальных слоев общества в регионе позволяет сделать следующие выводы.

1. В белорусском обществе существует социальное расслоение, которое увеличивается в кризисные периоды. Наиболее многочисленным социальным слоем (39,4 %) является группа населения, которая по материальному положению имеет доходы ниже среднего.

2. Рост или уменьшение среднеобеспеченных слоев (36 %) связан с неравномерностью экономического развития социума.

3. Сравнительный анализ среднего класса и других социальных слоев показывает, что они различаются по социально-демографическим характеристикам.

4. Высшее образование имеют большинство среднеобеспеченных слоев (73 %), 12 % респондентов с доходом ниже среднего и 37,3 % с доходом выше среднего.

5. Среди среднеобеспеченных слоев женщин 59,6 %, мужчин – 40,4 %.

Важным критерием социальной структуры является измерение социального статуса. Е.М. Бабосов выделяет следующий субординационный ряд:

1. На вершине стратификационной пирамиды находится высший слой – новая элита, в состав которой входят богатые предприниматели (владельцы банков, крупных фирм и др.), высшие должностные лица. Фактически это новая буржуазия и высшая государственная бюрократия.

2. Высший средний слой – это средние и мелкие предприниматели, директорский корпус, популярные художники, артисты, телекомментаторы, крупные ученые, владельцы частных клиник, стоматологических кабинетов и др.

3. Средний слой – это профессора, врачи и юристы, имеющие частную практику, руководители отделов (служб) крупных, эффективно работающих предприятий, старшие офицеры и др.

4. Низший средний слой – это учителя, линейные (рядовые) инженеры, работники учреждений культуры, младшие офицеры, квалифицированные рабочие и т.п.

5. Низший слой – низкоквалифицированные рабочие, крестьяне, служащие, сержантский состав вооруженных сил и правоохранительных органов и др.

6. Паразитические слои – мафиозные группы, рэкетеры, грабители, вымогатели, участники бандитских формирований, колдуны, гадалки, проститутки и т.п.

7. Маргинальные слои – это опустившиеся на социальное дно из различных социальных групп нищие, бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы, беспризорные подростки и т.п. [1, с. 162–163].

Анализ стратификационно-статусного состояния общества показывает, что среди множества статусов предприниматели занимают верхние строчки субординационного ряда. Предпринимательский сектор стал интенсивно развиваться в начале 1990-х гг. Это способствовало насыщению внутреннего рынка товарами и услугами, увеличению экспортного потенциала страны, повышению занятости населения. «Большинство предприятий предпринимательского сектора – малые. К началу 2005 г. в республике функционировала 31 тыс. малых предприятий, в том числе 28,7 тыс. частных. Доля малых предприятий в валовом внутреннем продукте страны составляет 8,8 %. Малыми предприятиями производится 7,3 % промышленной продукции, на них приходится 9,8 % розничного товарооборота, 22,1 % выручки от реализации товаров (работ, услуг). В общем числе предприятий торговли и общественного питания малые предприятия составляли к концу 2005 г. 42,9 %. Доля малых предприятий составляет: в промышленности 22 %, в строительстве 11,8 %, на транспорте 5,3 %. Общая численность работающих на частных малых предприятиях в 2004 г. составила 308 тыс. человек» [2, с. 261].

Становление предпринимательства в Беларуси проходило в непростых условиях. К особенностям менталитета значительной части белорусских граждан в постсоветское время можно отнести недоверие к частной собственности, стремление к социальной справедливости на основе уравниловки, а не к эффективности деятельности и результативности работы. С другой стороны, несмотря на катаклизмы и преобразования переходного периода, предпринимательство развивалось различными путями, шел процесс накопления стартового капитала. Один из примеров такого накопления – «челночное движение» граждан бывшего СССР, начавшееся в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора, в г. Бресте «экономическим туризмом» занималось в 1997 г. 72,5 % респондентов, в 2005 г. – 45,2 %, в 2016 г. – 56,5 %, в 2018 г. – 31,5 % из числа выезжавших за границу. «Зарубежным бизнесом» занимались семьями или компаниями

друзей, случайными группами и в одиночку. Китай, Турция и Польша – три страны, куда проложили дорогу российские «челноки». У белорусов наиболее популярными («экономически выгодными») были поездки в Польшу, Россию, Турцию, Германию, Украину, Литву.

В 1990-е гг. белорусские «челноки» ввозили в страну товара на сумму около 1 млрд долл. в год. По оценкам общественной организации «Туризм и предпринимательство», примерно 60 % российских «челноков» имели в своем распоряжении для закупок суммы в 1,5–5 тыс. долл. Экономические кризисы, периодически сотрясающие страны СНГ, больно бьют не только по рядовым покупателям, но и по мелким продавцам. Кому-то из них в это время приходится сокращать закупки, кому-то и вовсе свертывать торговлю, пополняя ряды наемных работников. Выживали сильнейшие, лучше постигшие нелегкое искусство челночного бизнеса. У таких в распоряжении находились суммы в сотни тысяч долларов. У крупных дельцов давно отработан механизм доставки товара и его таможенного оформления с наименьшими потерями для собственного кошелька.

По мнению М.Н. Руткевича, «челноки» – прямое свидетельство нерациональной организации торговли и маргинализации миллионов рабочих, служащих, ИТР. «Дикая» практика «челночничества» является петлей, удушающей отечественную легкую, текстильную, парфюмерную и другие отрасли промышленности. Миллиарды долларов, оставленных на рынках Стамбула, – средство перекачки инвестиций из России в Турцию, также обстоит дело с Китаем, арабскими странами, Польшей и т.д. [2, с. 123]. Другие страны, даже высокоразвитая Япония, защищают ряд своих отраслей с помощью высоких пошлин и всемерного поощрения отечественного товаропроизводителя. Однако основную социальную и экономическую задачу – дать людям работу, одеть и накормить средний и низший классы общества, ликвидировать пустые прилавки магазинов и длинные очереди за дефицитом – «челноки» с успехом выполнили. Кстати, по данным национального социологического опроса 1997 г. (выборка 1 030 респондентов, руководитель – доцент С.Т. Кавецкий), интервьюируемые на вопрос анкеты: «Приходилось ли Вам при пересечении границы вольно или невольно нарушать таможенные правила Республики Беларусь, Польши, Германии, Украины, стран Балтии и др.?», ответили так: «нарушали» – 52,5 %, «не нарушали» – 47,5 %. Больше всего «нарушителей» оказалось из Гродненской и Брестской областей.

Итак, в условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой в социальной структуре белорусского общества произошла деконструкция критериев стратификации. Решающую роль в этом играли:

- 1) владение капиталом, приносящим прибыль;
- 2) причастность к перераспределению общественного богатства в результате разгосударствления и приватизации собственности.

Одним из путей перераспределения общественного богатства явилась чековая приватизация собственности в Республике Беларусь. Хотя ее окончание планировалась более 20 лет назад, однако Совет Министров постановлением № 79 от 1.02.2016 продлил действие именных приватизационных чеков «Имущество» до 30.06.2019. Неоднократное продление данного процесса было связано с тем, что ни стратегически, ни тактически он не был достаточно продуман. И получение чеков населением, и их обмен на акции акционированных предприятий в силу объективных и субъективных причин не принесли ожидаемого эффекта. Около половины обладателей чеков оказались отчуждены от собственности, а большинство жителей, обменявших чеки на акции, в силу мизерной доли участия в акционерном капитале лишь числятся акционерами, но не могут реально участвовать в управлении акционерным обществом. Дивиденды по принад-

лежащим им акциям они либо не получают вообще, либо получают, но весьма скромные суммы и чаще всего нерегулярно.

Таким образом, переходное состояние белорусского общества на рубеже XX и XXI вв. значительно ускорило изменения в его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться отношения в экономике, политике, перестраивается механизм социальной ориентации, идет интенсивная смена элит. На общественную сцену вышли новые социальные группы, слои и группы, которые изменяют свои качественно-количественные параметры, турбулентным становится «социальное дно», что является следствием неравномерности экономического развития. Как результат, быстро меняется система групповых интересов, способов поведения, социальных взаимодействий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е. М. Прикладная социология / Е. М. Бабосов. – Минск : ТетраСистемс, 2000. – 496 с.
2. Кавецкий, С. Т. Аномия: теория и социальная практика / С. Т. Кавецкий. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – 245 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.09.2018

Kavetski S.T. Sociological Diagnostics of Anomy Processes in the Social Structure of Today's Society

The article analyzes the social structure and stratification of the Belarusian society. The strata of today's society are identified by case studies with a breakdown by social groups through self-identification criteria, and, more importantly, on the basis of their income. Sociological diagnostics of anomy processes was carried out among various population segments. The conclusion is made that the transitional state of the Belarusian society at the turn of the XX and XXI centuries caused much faster changes in its social structure. The public stage saw the appearance of new social groups, mass segments of population change their qualitative and quantitative parameters, while the «social bottom» is becoming increasingly turbulent, which is promoted by irregularities in economic development.